

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1'1

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.7-18

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ АНТИНОРМА В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЗЫ ПИСАТЕЛЕЙ-МИЛЛЕНИАЛОВ)

Л.А. Бушueva

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, 603022, Россия*

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию лексики со значением поступка в прозе писателей-миллениалов. Поколение авторов-миллениалов, которое сформировалось благодаря российской молодежной премии «Лицей», только начинает входить в фокус научного внимания, что определяет актуальность предпринятого исследования. Отмечается, что изучение современных художественных текстов является необходимым условием понимания тех перемен, которые происходят в человеке и культуре в новом тысячелетии. Человек – это сумма его поступков. Возможность совершать поступки связана со способностью к рефлексии, ответственностью, стремлением к пониманию ценностей. В ходе работы выявлены поступки, представляющие наибольшую коммуникативную значимость в текстах новейшей словесности, а также способы их художественного воплощения. Исследование позволило очертить круг наиболее острых этических вопросов, которые ставят современные авторы, а также определить болевые точки нравственного состояния современного общества.

Ключевые слова: ценности, поступок, оценка, художественный дискурс, писатели-миллениалы

Художественный дискурс несет на себе отпечаток культуры на том или ином этапе развития общества. Именно писатели в разные исторические периоды, являясь векторами сознания, показывали через своих героев (их мечты, устремления, поступки) основные нравственные тенденции своего времени и поколения. Как справедливо отмечает В.Д. Черняк, «литература, пестрая, неоднозначная, противоречивая, отражает наше столь непростое время и не только рассказывает о современности, но и ведет разговор с современниками, по-новому ставит вечные для человека вопросы быта и бытия» [1, с. 9].

Нельзя не согласиться с тем, что именно поступок всегда отражает ценности общества (в широком смысле) и индивидуальные ценности отдельных его членов (в узком смысле). Поступки включены в систему нравственных отношений общества, а через них – в систему всех общественных отношений. Еще И. Кант

отмечал, что нравственные ценности приобретают бытийный характер исключительно через действие по долгу, то есть через поступок [Цит. по: 2]. Сходную мысль выражает Н.О. Лосский: «Всякий поступок есть целестремительный акт, предпринимаемый ради осуществления какой-либо ценности на основании любви к ней и предпочтения ее другим ценностям. Объективное содержание поступка и есть сама ценная цель, а вовсе не средство» (Цит. по: СРМ, с. 70).

Актуальность предпринятого исследования определяется тем обстоятельством, что изучение социально-нравственной категории поступка в любой исторический период представляет чрезвычайную значимость. Изучение языковых единиц, отражающих стереотипы социального поведения, находится в сфере постоянного интереса ученых. Например, в аспекте ценностно-нормативных установок культуры рассматриваются концепты «мечь» [3], «обман» [4], «преступление» [5]. В работах, посвященных лингвокогнитивному моделированию поступков, в фокусе внимания находятся категории положительнооценочных и отрицательнооценочных поступков [6; 7].

Анализ употребления лексики со значением поступка в речи представляется важным как для определения семантических особенностей данной группы слов, так и для определения степени актуальности называемых феноменов для носителей языка и связанной с этим частоты употребления. В силу особенностей языковых личностей восприятие одного и того же поступка разными людьми различается [8; 9]. Следовательно, и представление поступков в речи зависит от культурных, социальных, ситуативных и индивидуальных особенностей говорящих.

И. Тэн в «Философии искусства» рассматривает литературное произведение как «снимок с окружающих нравов и свидетельство известного состояния умов», как важный источник информации для создания «истории нравственного развития» [10]. Поступок, являясь оценочно-нормативным феноменом, выражает отношения между людьми, поскольку основан на понятиях добра и зла, справедливости и несправедливости. Как точно отметил М.М. Бахтин, «живущий человек изнутри себя устанавливается в мире активно, его осознаваемая жизнь в каждый ее момент есть поступление: я поступаю делом, словом, мыслью, чувством – я живу, я становлюсь поступком...» (Цит. по: СРМ, с. 70).

Предпринятый нами анализ направлен на изучение речевых реализаций поступков с целью определения коммуникативной значимости разных поступков в прозе писателей-миллениалов. И писатели, и критики сходятся во мнении о том, что современная литература эстетически отражает наше время, а значит, и ценности того общества, в котором мы живем, и перемены, происходящие в человеке и культуре в настоящее время [1].

О научной новизне работы свидетельствует впервые предпринятое исследование особенностей актуализации поступков в текстах новейшей словесности, а именно в художественных произведениях авторов-миллениалов. К поколению писателей-миллениалов относят авторов, которые оформились благодаря премии «Лицей». Среди победителей и номинантов данной премии К. Гептинг, Е. Некрасова, К. Куприянов, Б. Ханов, С. Гаврилов, А. Володина, В. Богданова, М. Турбин, Е. Манойло и другие писатели, становление которых

пришлось на начало нулевых годов XX в. Основные направления исследования поколения миллениалов были намечены в работах социологов (например, В.В. Радаев в книге «Миллениалы: как меняется российское общество» [11] описывает характерные черты и типы этого поколения), а также литературоведов (см. работы Г.М. Алтынбаевой [12]). Было проанализировано 20 художественных произведений (романов, повестей) писателей-миллениалов, написанных с 2019 по 2023 г.

Под *поступком* в настоящем исследовании подразумевается целенаправленное действие, в основе которого лежит мотив (именно мотив отличает поступок от действий-автоматизмов), оно получает оценку и имеет определенные последствия (поступок всегда оставляет след в жизни человека или общества в целом). Поступок всегда совершается в социуме, и поэтому он социален. Он обладает признаком событийности, поскольку это некая точка, которая фиксирует в пространстве и времени то, что уже произошло.

Отметим, что поступок может быть воплощен как в физическом действии, так и в речевом, которые являются лишь «носителями» поступка, его внешней оболочкой, при этом его основой является нравственное содержание. Оценка представляется тем признаком, который позволяет квалифицировать действие (физическое или речевое) как поступок: «...оцениваются и именуется не сами конкретные действия, не их структура, не локутивная или пропозициональная сторона, а воплощенные в них единицы поведения, поступки, то, чем оказываются, как могут восприниматься соответствующие действия» [13, с. 30].

О значимости оценки в структуре понятия «поступок» свидетельствуют и типичные сочетания с лексемой *поступок*: *безжалостный, безнравственный, безобразный, бесчеловечный, бесчестный, благородный, вежливый, великодушный, вероломный, высокий, героический, глупый, гнусный, грубый, грязный, дикий, добрый, дурной, зазорный, зверский, легкомысленный, малодушный, мерзкий, нелепый, неприличный, несправедливый, низкий, отвратительный, пакостный, подлый, позорный, постыдный, похвальный, унижительный, хороший, честный* и др. (СРМ).

В качестве примера лексемы, обозначающей поступок, приведем существительное *предательство*, которое определяется словарями как ‘предательский, вероломный поступок’ (МАС), однако при этом не указывается, в каком именно действии он воплощается, поскольку в данном случае значима ценностная сторона действия. Акцент на отрицательной оценке, без конкретизации действия, в котором реализуется поступок, видим и в определении такого имени поступка, как *подлость*: ‘подлый поступок’, (*подлый* – ‘низкий, бесчестный’) (МАС). Однако некоторые поступки не имеют устойчивого оценочного знака; например, в определении существительного *чужачество* отражено лишь понятийное содержание без конкретной (положительной или отрицательной) оценки: ‘странность, необычность в поступках’ (МАС).

В текстах писателей-миллениалов поступку как социально значимому действию, требующему проявления воли и способному трансформировать реальность и того, кто его совершает, уделяется большое внимание. Героями движет желание сделать нечто значимое, выделиться из общей массы, доказать свою

особенность. Другими словами, героями движет желание совершить поступок. Важно, что словарные определения лексемы *поступок* и типичные сочетания с ней также высвечивают значимость, особенность поступка по сравнению с простым действием, показывают, что поступок всегда предполагает преодоление некоторой нормативной границы в поведении. Ср.: *решиться на поступок, пойти на поступок; решиться* – ‘обдумав все за и против, преодолев боязнь ошибиться, убедить себя в целесообразности какого-либо действия, поступка’ (БУСРЯ); ‘идти на что-либо, решаться на какое-либо рискованное, трудное, неприятное и т. п. действие, проявлять готовность к осуществлению такого действия’ (БУСРЯ); «поступок – может быть отмечен положительно или отрицательно. Во всех случаях человек выступает как личность, проявляя свою сущность в действиях» (СРМ).

Герои современных произведений все время порываются совершить что-то особенное, некий нетривиальный, выходящий за рамки обыденного акт, выдающийся поступок, привлекающий всеобщее внимание. Это видно в следующих контекстах: «*Хотелось сделать напоследок что-нибудь безумное, что-нибудь такое, что бы отпечаталось в городском фольклоре*» (Б.Ханов1); «*Ира намерена **отчебучить** что-нибудь этакое на крафтовом фестивале в отместку за отрицательный отклик на репетиторском сайте*» (Б.Ханов1) – глагол *отчебучить* (также *отчубучить*) описывает необычное действие: *отчубучить* – ‘совершить что-либо необычное, неожиданное, выходящее за пределы допустимого’ (МАС).

Герой повести И. Ханипаева «Типа я» – восьмилетний школьник Артур с непростой судьбой: на его глазах убивают родную мать, отец отказывается от него и ему приходится жить с неродной матерью и названным братом. В произведении И. Ханипаева показан путь взросления мальчика, который через переживание большой психологической травмы, трагедии (смерть матери, потеря и поиски отца), вынужден самостоятельно «встраиваться», «вживаться» в систему нравственных ориентиров общества, в том числе через постоянные размышления о поступках окружающих его людей (приемной матери, которая без его разрешения отдает личный дневник мальчика школьному психологу – данный поступок Артур оценивает как предательство; одноклассников, которые помогают Артуру в поисках отца; учителей и т. д.) и рефлексии над собственными чувствами и поведением.

Под «крутым человеком» герой И. Ханипаева подразумевает того, кто совершает поступки, достойные воина; при этом мальчик совсем не понимает, что именно нужно делать. В соответствии с его детскими представлениями поступок является «крутым», если он смелый, бесстрашный, даже если этот поступок имеет разрушительную силу: «*Пока мы шли, Крутой Али переворачивал машины по моей просьбе, побил несколько человек и огранил два магазина*» (И.Ханипаев). В лексиконе Артура еще нет слова *поступок*: поступки Артур обозначает через словосочетания *четкие/крутые вещи*, характерные для речи подростков, а также *серьезные/добрые/злые/хорошие/плохие дела*, явно подразумевая нечто выдающееся, значимое. Ср.: *крутой* – ‘решительный и быстрый, а также вообще оставляющий сильное впечатление (прост.)’ (МАС).

В произведениях писателей-миллениалов желание совершить поступок характерно не только для детей, но и для взрослых, однако примечательно, что дальше размышлений и постоянного анализа у взрослых героев дело не идет. Их все время что-то останавливает, мешает им совершить поступок. Ср.: *«Лучше бы сама ответила тому пацану, чего ж молчала? Она представляет, как оборачивается и толкает его двумя руками в грудь. Сильно, так, что парень падает. Или нет, она дает ему звонкую пощечину. Или бьет кулаком по его лицу, так, что щека заливается красным. И Женя говорит ему: “Еще раз меня тронешь – пожалеешь”. Только на самом деле она молчала и терпела, как корова»* (В.Богданова1) – героиня Женя понимает, что должна действовать решительно в сложившейся ситуации, однако не может отважиться на смелый поступок. Воздержание от совершения необходимых действий в некоторых случаях также может являться поступком, но только в том случае, если это бездействие выявляет моральную, нравственную позицию человека.

В следующем контексте именно бездействие оценивается как поступок: героиня Катя посещает мать, которая втайне от семьи ушла в монастырь и бросила ее маленькой девочкой, однако мать (матушка Агафья) отказывается от встречи, когда Катя приезжает навестить ее в монастыре. Позже Кате все же удается встретиться с матерью: *«Матушка уселась на скамью и шумно вздохнула, расправив припудренные мукой рукава рясы. Катя опустилась рядом. Она планировала сразу перейти к делу, но вместо этого спросила с детской обидой: – Почему ты тогда не вышла к нам? – Вера моя еще не настолько крепка была»* (Е.Манойло) – из диалога очевидно, что бездействие матери сильно ранило Катю, безвозвратно изменило ее отношение к ней.

В эпизоде из произведения Б. Ханова «Непостоянные величины», повествующем о хулиганах, которые в трамвае осыпают матом и ругательствами пожилую женщину, а присутствующие при этом пассажиры-мужчины не предпринимают никаких ответных действий, фактически описывается поступок «трусость», при этом трусость и является тем поступком, который не был совершен; в данном отрывке он также представляется через цепь действий, которые не совершаются: *«Никто из них не вступался за старуху с внуком, не бросал косых взглядов в сторону ругающихся, не опускал виновато глаза в пол. Мужики, крепкие и кадыкастые, притворялись, будто ничего не происходит»* (Б.Ханов2).

Даже если герои совершают поступки, они снова и снова мысленно возвращаются к ним, анализируя случившееся. Ср.: *«Вообразим, что я совершил проступок. Исправить его никак не исправиишь, а жить дальше мешает неизбывное чувство вины, поедающее изнутри, словно стая пираний»* (Б.Ханов1); *«Впоследствии Роман не раз пожалел, что согласился. Что дерзнул открыто противостоять фанатизму. Что дерзнул дерзнуть»* (Б.Ханов2) – глагол *дерзнуть* толкуется лексикографическими источниками как действие не рядовое, но смелое, преисполненное благородства, то есть как поступок, поскольку действие получает оценку: *дерзать* – ‘смело стремиться к чему-то благородному, высокому, новому’; *дерзнуть* – ‘осмелиться, отважиться’ (МАС). Как справедливо отмечает В.Д. Черняк, типичный «герой литературы “нулевых” – это инфантильный герой, зависимый от своих детских воспоминаний и комплексов» [1, с. 27]. Имен-

но присущая героям инфантильность не дает им продвинуться дальше анализа своих мотивов и возможных последствий своих поступков, не дает дерзнуть.

Отметим, что в текстах исследованной выборки находят выражение преимущественно плохие поступки, такие как избиение, воровство, убийство, обман, месть, ограбление, оскорбление, грубость, донос, предательство, измена, безрассудство, подвиг, глупость, проступок, подлость, дерзость, выходка, шалость; а также поступки жест, добро/милость, жертва. В современной художественной речи поступки обозначаются как специальными лексемами (*измена, подвиг* и др.), так и описательно, когда контекст не содержит имен поступков, но есть другие «маркеры» ситуации поступка. Ср.: «*Саида Рагимовна – это наш психолог, но я ее не называю по имени, потому что я ее не люблю, а с момента, как она прочитала мой дневник, я ее ненавижу*» (И.Ханипаев) – самовольное чтение дневника описывается не как простое физическое действие, а именно как поступок, на что указывает актуализация таких значимых аспектов поступка, как оценка (*ненавижу*) и результат: «*Вы потеряли доверие. На одном сайте написано, что худшее, что может сделать школьный психолог, – это **предать** ученика и потерять его доверие*» (И.Ханипаев).

Рассмотрим подробнее поступки, которые чаще других описываются в современных художественных текстах. Основное место в нашей выборке произведений принадлежит отрицательно оцениваемым поступкам. Это, вероятно, можно объяснить тем, что авторы-миллениалы обращаются к острым социальным вопросам, с которыми сталкивается человек: самоидентификация, насилие в семье, измены, инцест, растление малолетних, ответственность перед детьми и родителями, терроризм. Неслучайно регулярное выражение в рассматриваемых текстах получает оценка того или иного поступка. В своем поведении человек руководствуется системой моральных и этических норм, сформированных в том обществе, частью которого он является: «Сознание человека пронизано стереотипами поведения, опираясь на которые, он представляет себе намерения окружающих и оценивает уже совершенные ими поступки» [14, с. 117].

Привычно кажущиеся нам неправильными, ненормальные ситуации, традиционно оцениваемые отрицательно, герои рассматриваемых произведений воспринимают как норму; например, в романе В. Богдановой «Сезон отравленных плодов» жалоба героини на домогательства со стороны мальчиков вызывает у ее матери лишь улыбку, а домогательство оценивается как невинный флирт, как вполне естественное выражение симпатии: «– *Мам, что мне делать? Ко мне парни пристают. – Кто? – <...> Котов с Первого Мая и его друзья. Я хотела пройти, а они... Говорят про меня всякое. – Ты нравишься мальчикам, – отвечает мама. – Это же хорошо. – Мам, они гадкие вещи говорят, мне неприятно. – Ты пойми, мужчины, они по сути своей охотники*» (В.Богданова1). Ср.: *приставать* – ‘ухаживать за женщиной настойчиво, грубо, против ее желания’ (МАС).

В романе Е. Манойло «Отец смотрит на Запад» семейное насилие поддерживают традиции. Героини Е. Манойло живут с установкой «мужчинам все можно» и уверены, что это норма, поскольку именно так их приучили думать с самого детства. Ср.: «*Она и правда не обратилась в полицию – ни когда ее*

*украли, ни когда муж стал **распускать руки**, ни сейчас, когда Тулин чуть не сломал ей нос» (Е.Манойло).*

Еще один поступок, который чаще других находится в фокусе внимания в рассматриваемых произведениях, – это бегство: герои писателей-миллениалов спасаются бегством от своих проблем, бросают начатое дело, бегут от самих себя, любимых, близких, друзей. Ср.: *«Ты уехала, как напоказ. <...> Вот только незачем, подруга, **сбежать от меня**» (Б.Ханов1); «Мамин постоянный клиент и стал моим папой, но в силу своей несерьезности не женился, а **сбежал**, прихватив из гостиной музыкальный центр и тот самый чемодан» (А.Володина).*

Одним из наиболее частотных поступков, который находит регулярное отражение в текстах писателей-миллениалов, является избивание. Примечательно, что в современных контекстах поступок получает амбивалентную оценку и не всегда оценивается ожидаемо отрицательно. Например, в случаях, когда избивание соотносится с защитой, поступок квалифицируется как положительный. Ср.: *«– Он **избил** того, кто ему угрожал. Устранил угрозу. <...> Он не бандит, он наверняка верит, что защищает семью, дочку, понимаешь?» (К.Куприянов).*

Убийство – еще один поступок, на который идут герои рассматриваемых произведений, при этом в большинстве контекстов он, как правило, представлен, во-первых, описательно, во-вторых – развернуто с точки зрения участников, мотивов и оценки. Например, *«Зимой Алик забухал совсем, дома появлялся редко. Один раз Илья проснулся от лязга: Алик никак не мог найти нужный ключ и попасть им в скважину. <...> Илья выскользнул из-под одеяла, подкрался к двери и неслышно защелкнул щеколду. <...> Алика нашли наутро, он лежал в сугробе, а его замело снегом, будто покрыло сверкающей глазурью. Видимо, вышел на улицу, поскользнулся, завалился в сугроб и уснул. <...> А Илья не чувствовал себя ни героем, ни защитником – трусливо подкрался, исподтишка нанес удар» (В.Богданова1). В приведенном контексте убийством оказывается цепь обычных, на первый взгляд рутинных действий (встать с кровати, подойти к двери, защелкнуть щеколду), которые совершает герой произведения «Сезон отравленных плодов». Однако эти действия в контексте определенных обстоятельств, совершаемые с определенной целью, и становятся убийством.*

Еще один поступок, который традиционно оценивается отрицательно в русской культуре, – это предательство. Ср.: *«предательство – нарушение клятвы верности, проявляющееся в совершении вероломного поступка, который ведет к разрыву отношений и предоставляет свободу в наказании предателя. Самого предателя может обречь на муки совести, потерю самоуважения и уважения со стороны других людей» (СРМ).*

В рассматриваемых произведениях актуализированы разные стороны предательства: его мотив (как правило, видится как благородный и значимый для агента предательства); действие, в котором воплощается поступок (в качестве предательства классифицируются такие разные по сути действия, как обман, уловка, любовная измена, уход из семьи, донос, смена пола, а также несовершение действия в ситуации, которая этого требовала); результат предательства (всегда разрушительный).

В современной художественной речи предательство совершают родные люди (члены семьи, любимые, друзья). Это могут быть совершенно разные по своей сути поступки. Например, в произведении И. Ханипаева «Типа я» приемная мать восьмилетнего героя Артура передает дневник мальчика психологу, руководствуясь благим намерением помочь, при этом Артур воспринимает такое вторжение в его личное пространство как предательство: *«Ты обманула меня, ты украла мою вещь и отдала ее чужому человеку. – Да, я знаю. Извини. – Ты предала меня, и я больше не хочу с тобой разговаривать»* (И.Ханипаев); Илье в романе «Сезон отравленных плодов» не хватает смелости продолжать отношения с собственной сестрой, и он женится на другой: *«Зачем он Жене, этот идиот, предатель, который струсил, бросил, не отговорил от аборта, женился на другой и – какой садизм – пригласил на свою свадьбу»* (В.Богданова¹). В определении поступка как предательского важна оценка всех элементов ситуации: действия, в котором поступок находит воплощение (прочитать дневник, бросить невесту и т. д.), мотива и результата данного действия.

Несмотря на разочарование в существующих моделях и установках общества, которое испытывают герои современной прозы, попытки переделать реальность, отрицание существующих норм и правил, герои все же испытывают потребность жить «нормально»: *«Я размышлял: почему ни у кого из нас не получается жить нормально? Ведь все хотят жить нормально, в чем же дело?»* (С.Гаврилов) – «жить нормально» в понимании героя подразумевает жить в соответствии с теми моделями поведения, которые были созданы предшествующими поколениями.

Значимым элементом любого поступка является мотив. Связь между ними неоднозначна: один и тот же поступок может быть продиктован разными мотивами; один и тот же мотив может подтолкнуть человека к разным поступкам. Роман А. Володиной «Протагонист» всецело посвящен мотивам одного поступка. История начинается со смерти героя Никиты, студента престижной академии. Дальнейшее повествование, которое разбито на девять историй людей, которые знали Никиту, – попытка понять причины его поступка. Оказывается, что разобратся в мотивах самоубийства так же сложно, как определить причины любых других поступков, которые совершают люди.

Герои рассматриваемых произведений нередко как будто «застревают» еще на этапе обдумывания мотивов тех или иных поступков. Показательным в плане их осмысления является следующий контекст: *«Наконец я понял: мы делаем все ради смысла. <...> Порой мы так стараемся над смыслом, так хотим, чтобы в наших поступках было больше смысла... что иногда мембрана разума, натянутая поверх абсурда, просто не выдерживает. Она лопается от переизбытка смысла, от тяжести наших намерений»* (С.Гаврилов) – главный герой книги Степана Гаврилова «Опыты бесприютного неба», неглупый, начитанный молодой провинциал, приезжает в Петербург с намерением добиться успеха, но вместо настоящего дела все время находит подработки, знакомится с нетрезвыми маргинальными личностями и беспрерывно размышляет о смысле жизни, потерянности, собственной ненужности, неспособности совершить нечто действительно значительное – размышляя о

мотивах поступков, из которых складывается жизнь, он оказывается неспособным сделать что-либо вообще.

Герой произведения К. Гептинг «Сестренка» совершает поступки, мотивы которых соотносятся с его собственной ценностной шкалой: «*А мне всегда было интересно, почему все столь уверены, что нужно **поступать** так, а не совсем наоборот? <...> ...я не переношу, когда говорят: делай вот так, но не объясняют почему*» (К.Гептинг) – рассуждает Юрий, человек, который изнасиловал свою собственную сестру Юлию, но совершенно не чувствует себя виноватым в поступке, который наложил страшный отпечаток на жизнь девушки.

Мотив для героев рассматриваемых произведений – это в каком-то смысле оправдание выбранной линии поведения. Как показывают современные контексты, поступки, традиционно оцениваемые как негативные (подлость, преступление, измена), тоже совершаются с благими намерениями, если не ради объекта поступка, то ради самого агента: «*Именно ради себя и ради близких людей чаще всего совершают **преступления** и искажают истину*» (Б.Ханов2). Один и тот же поступок может быть продиктован разными мотивами, что в свою очередь влияет на оценку поступка. Ср.: «– Да, я **подрался**. Я заступился за девочку и выиграл... <...> Ух ты, за девочку? – усмехнулась типа мама, как будто это великое дело» (И.Ханипаев); «*Для другого стрима отец заставлял их лупить друг друга на камеру до крови: кровь и крики собирали больше лайков и донатов. Если девочки не соглашались, он **избивал** обеих*» (В.Богданова2).

В заключение важно подчеркнуть, что поступки отражают ценностные приоритеты поведения и определяются доминирующими установками современного общества. Исследование поступков героев на материале современной художественной речи важно еще потому, что кроме их описания в текстах содержатся также рассуждения автора, героев произведения, представлены разные точки зрения, различные оценки одного и того же поступка и оценки разных поступков.

Исследование показало, какие поступки частотны в художественных текстах новейшей словесности и какие из них имеют наибольший коммуникативный вес. Как видно из представленного материала, наибольшей коммуникативной значимостью характеризуются отрицательно оцениваемые поступки (противоречащие принятым нормам поведения) – акцент на них выявляет болевые точки нравственного состояния современного общества, показывает стремление молодого поколения ставить экзистенциальные вопросы в более радикальной форме: что есть поступок и в чем заключается его значимость, влияет ли мотив поступка на его оценку, к каким последствиям ведут совершаемые нами поступки и должен ли человек нести ответственность за них, в чем заключается предательство, подлость и т. д. Актуализация различных аспектов рассмотренных ситуаций (мотивов, оценок, последствий поступков) отражает важность выявления данных явлений, повышенное внимание к ним со стороны социума, потребность в их осмыслении.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- БУСРЯ – Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М.: Словари XXI века, 2017. 1456 с.
- МАС – Малый академический словарь / Ред. А.П. Евгеньева. М.: Институт русского языка АН СССР, 1957–1984. URL: <https://rus-academic-dict.slovaronline.com/>, свободный.
- СРМ – Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 2. 592 с.
- В.Богданова1 – Богданова В. Сезон отравленных плодов. М.: АСТ, 2020. 348 с.
- В.Богданова2 – Богданова В. Павел Чжан и прочие речные твари: роман. М.: АСТ, 2022. 443 с.
- А.Володина – Володина А. Протагонист. М.: Изд-во АСТ, 2023. 316 с.
- С.Гаврилов – Гаврилов С. Опыты бесприютного неба. М.: Эксмо, 2020. 288 с.
- К.Гептинг – Гептинг К. Сестренка. М.: Эксмо, 2019. 192 с.
- К.Куприянов – Куприянов К. Желание исчезнуть. М.: АСТ, 2019. 411 с.
- Е.Манойло – Манойло Е. Отец смотрит на запад. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 272 с.
- Б.Ханов1 – Ханов Б. Развлечения для птиц с подрезанными крыльями. М.: Эксмо, 2020. 384 с.
- Б.Ханов2 – Ханов Б. Непостоянные величины. М.: Эксмо, 2019. 384 с.
- И.Ханипаев Ханипаев И. Типа я. Дневник суперкрутого воина. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 276 с.

Литература

1. Черняк В.Д., Черняк М.А. Русская литература XXI века: приглашение к чтению. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 320 с.
2. Соловьева С.В. Поступок как событие // Вестник СамГУ. 2005. № 4 (38). С. 13–19
3. Чесноков И.И. Концепт «мечь» в лингвокультурном аспекте // Известия ВГПУ. 2006. № 3 (16). С. 7–15.
4. Панченко Н.Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 236 с.
5. Виноградов И.А. Языковая репрезентация концепта «преступление» // Вестн. МГЛУ. Сер. 1: Филология. 2019. № 4 (101). С. 39–49.
6. Бушуева Л.А. Категории поступков и их лингвокогнитивное моделирование. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. 306 с.
7. Бушуева Л.А. Языковая экспликация фрейма поступка «измена в любви» в лексико-семантической системе русского языка // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2022. Т. 24, № 6. С. 669–677. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-669-677>.
8. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: ИЯЗ: Перемена, 1992. 329 с.
9. Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса. // Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Сост. В.В. Петров; пер. с англ. яз. под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. С. 5–10.
10. Тэн И. Философия искусства / Подгот. к изд., общ. ред. и послесл. А.М. Микиша. М.: Республика, 1996. 351 с.
11. Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. 221 с.

12. Алтынбаева Г.М. Художественное и документальное в прозе поколения «тридцатилетних» // Филология и культура. 2023. № 2 (72). С. 104–110. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2023-72-2-104-110>.
13. Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Вып. 1. Саратов: Изд-во Гос. учеб.-науч. центра «Колледж», 1997. С. 23–34
14. Сандомирская И.И. Эмотивный компонент в значении слова (на материале глаголов, обозначающих поведение) // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 114–124.

Поступила в редакцию 10.05.2024

Принята к публикации 05.07.2024

Бушуева Людмила Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры зарубежной лингвистики

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

пр. Гагарина, д. 23, г. Нижний Новгород, 603002, Россия

E-mail: sebeleva@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 5, pp. 7–18

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.7-18

**Abnormal Behavior in the Contemporary Literary Language
(Based on Millennial Prose)**

L.A. Bushuyeva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, 603002 Russia

E-mail: sebeleva@yandex.ru

Received May 10, 2024; Accepted July 5, 2024

Abstract

This study considers words used to describe human actions in the prose of Russian millennial writers, who emerged as a separate generation due to the Pushkin Prize, an annual Russian literary award established to honor young writers for literary excellence. These writers have only recently come into the focus of research, thus making it timely and relevant to explore their works and activities. The results obtained show that investigating contemporary literary texts is essential for understanding how both people and culture have changed in the new millennium: human beings are shaped by the actions they take, and their capacity for action is determined by self-reflection, responsibility, and the pursuit of accepted social values. Among all the identified human actions, those with the highest communicative value in the millennial prose were singled out, and the common verbal means used to express them were analyzed. From the analysis, the most pressing ethical issues and the weakest spots of social morality in our times continuously addressed by millennial writers were distinguished.

Keywords: values, action, evaluation, artistic discourse, millennial writers

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Chernyak V.D., Chernyak M.A. *Russkaya literatura XXI veka: priglashenie k chteniyu* [Russian Literature of the 21st Century: An Invitation to Reading]. St. Petersburg, Izd. RGPU im. A.I. Gertsena, 2021. 320 p. (In Russian)
2. Solov'eva S.V. An act as an event. *Vestnik SamGu*, 2005, no. 4 (38), pp. 13–19. (In Russian)
3. Chesnokov I.I. The concept of revenge in linguo-cultural aspect. *Izvestiya VGPU*, 2006, no. 3 (16), pp. 7–15. (In Russian)
4. Panchenko N.N. Verbal Expressions of the concept of lie (based on the Russian and English languages). *Cand. Philol. Diss.* Volgograd, 1999. 236 p. (In Russian)
5. Vinogradov I.A. Linguistic representation of the concept of crime. *Vestnik MGLU. Seriya 1: Filologiya*, 2019, no. 4 (101), pp. 39–49. (In Russian)
6. Bushueva L.A. *Kategorii postupkov i ikh lingvokognitivnoe modelirovanie* [The Categories of Actions and Their Linguo-Cultural Modeling]. Nizhny Novgorod, Izd. NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2019. 306 p. (In Russian)
7. Bushueva L.A. The frame of love affair and its representation in the lexico-semantic system of the Russian Language. *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2022, vol. 24, no. 6, pp. 669–677. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-669-677>. (In Russian)
8. Karasik V.I. *Yazyk sotsial'nogo statusa* [The Language of Social Status]. Moscow, IYaZ, Peremena, 1992. 329 p. (In Russian)
9. Karaulov Yu.N., Petrov V.V. From text grammar to cognitive discourse theory. In: van Dijk T. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Perception. Communication]. Gerasimov V.I. (Ed.). Moscow, Progress, 1989, pp. 5–10. (In Russian)
10. Taine H. *Filosofiya iskusstva* [The Philosophy of Art]. Mikish A.M. (Ed.). Moscow, Respublika, 1996. 351 p. (In Russian)
11. Radaev V.V. *Millenialy: kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo* [Millennials: The Changing Face of the Russian Society]. Moscow, Izd. dom VShE, 2020. 221 p. (In Russian)
12. Altynbaeva G.M. Fiction and non-fiction in the thirty-year-old generation (“millennials”) prose. *Filologiya i Kul'tura*, 2023, no. 2 (72), pp. 104–110. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2023-72-2-104-110>. (In Russian)
13. Gol'din V.E. Names of speech events, actions, and genres of Russian speech. In: *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov, Izd. Gos. Uchebno-Nauchn. Tsentra “Kolledzh”, 1997, pp. 23–34. (In Russian)
14. Sandomirskaya I.I. The emotive component in the meaning of a word (based on behavioral verbs). In: *Chelovecheskii faktor v yazyke: Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti* [The Human Factor in Language: Linguistic Mechanisms of Expressiveness]. Moscow, Nauka, 1991. pp. 114–124. (In Russian)

Для цитирования: Бушueva Л.А. Поведенческая антинорма в современной художественной речи (на примере прозы писателей-миллениалов) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 5. С. 7–18. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.7-18>.

For citation: Bushuyeva L.A. Abnormal behavior in the contemporary literary language (based on millennial prose). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 5, pp. 7–18. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.7-18>. (In Russian)